

Карина Демина

Цикл «Хельмовы игры»

ХЕЛЬМОВА ДЮЖИНА КРАСАВИЦ.
НЕНАСЛЕДНЫЙ КНЯЗЬ

ХЕЛЬМОВА ДЮЖИНА КРАСАВИЦ.
ВЕДЬМАКИ И КОЛДОВКИ

ХОЗЯЙКА СЕРЫХ ЗЕМЕЛЬ.
КАПКАН НА ВОЛКОДЛАКА

Карина Демина

Хозяйка Серых земель.
Капкан на волкодлака

Роман

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Художник
С. А. Григорьев

Демина К.

Д30 Хозяйка Серых земель. Капкан на волкодлака: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 377 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2127-5

Вновь в Познаньске неспокойно. Повисла над городом колдовкина полная луна, и, зову ее покорный, вышел на улицы зверь-волкодлак. А следом и колдовкиным духом потянуло. Что надобно ей, Хозяйке Серых земель, в Познаньске? Кому, как не старшему актору королевской полиции Себастьяну, сие выяснять, конечно, ежели сам актер в живых останется. Заодно уж пусть разберется со странными делами, что творятся в благочинном семействе князей Вевельских, в тайнах ведьмачьего прошлого и иных, несомненно прелюбопытных, вещах.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Карина Демина, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2127-5

ГЛАВА 1,
в которой Себастьян Вевельский делает предложение
руки и сердца, но получает категорический отказ

Все, что ни делается, — к лучшему.

Просто не всегда к вашему.

*Частное мнение пана Грабовски, практикующего
медикуса, человека в высшей степени
благообразного и, что немало, состоятельного*

Ночь была на диво хороша. В меру темна, в меру тепла. Маслянисто поблескивала полная луна, стрекотали сверчки, пахли розы... Баронесса Эльвира Чеснецка, третья и единственная оставшаяся незамужней дочь барона Чеснецкого, розы весьма любила. Во многом любовь сия происходила от того, что некий студиозус, обезумев от любви, не иначе, сложил сонет в честь Чеснецкой розы, и титул этот, пусть и не означенный ни в одном из геральдических справочников, Эльвире пришелся весьма по сердцу.

В отличие от студиозуса.

Нет, она вознаградила его за старания милой улыбкой и поцелуем, последним не без умысла — Элечка собиралась в Познаньск, где не хотела показаться провинциальной глупой девкой, которая и целоваться-то толком не умеет.

Вот и потренировалась.

На студиозусах тренироваться всяк удобней, нежели на кошках.

Как бы там ни было, история та случилась в далеком прошлом, памятью о котором остался девичий альбом со злосчастным сонетом, писанным красными чернилами — а врал, будто бы кровью! — да Эльвирина страсть к розам.

Розы окружали ее.

И не только в саду, где они росли, постепенно вытесняя прочие растения. Нет, розы были повсюду. Роскошные золотые цветы распускались на обоях и гардинах, на обивке кре-

сел, козеток, диванов и диванчиков. На коврах и дорожках. На зеркалах. На посуде... и даже ночная ваза Эльвиры была украшена золотыми розами.

Что уж говорить о нарядах?

Элечка вздохнула.

Розам свойственно увядать, а она... она, пожалуй, заигралась... были кавалеры, признавались в любви. Говорили о том, что бросят к Элечкиным ногам весь мир... куда подевались?

Сестры злословят, что, мол, сама виновата... чересчур горда была.

А ведь казалось, что жизнь только-только начинается. И куда ей замуж? В шестнадцать-то лет... и в семнадцать... и вот уж двадцать три, старость не за горами, а где женихи?

Исчезли.

Не все, конечно. Папенька за Эльвирой хорошее приданое положил, вот только... на приданое или красавцы молодые без гроша за душой слетаются, уверенные, будто Эльвира любви их неискренней рада будет, или старичье, которому деньги без надобности...

Не то все, не так... но ничего, даст Иржена-милосердница, все у нее сладится. Ныне же вечером сладится.

С этой, несомненно успокаивающей, мыслью Эльвира устроилась перед зеркалом.

А все ж хороша.

И не та, не девичья красота, но все же... лицо округлое, с чертами мягкими, пожалуй, чересчур уж мягкими. Но кожа бела. Глаза велики, а подведенные умело и вовсе огромными кажутся. И что до того, что появились в уголках их морщинки?

Губы бантиком.

На щеках слабый румянец...

Шея длинная. Волос темный по плечам разметался, будто бы в беспорядке...

Эльвира взяла хрустальный флакон. Капля розового масла на запястья. И другая — на шею. Не переборщить бы... впрочем, она уже давно освоила сию науку и с запахами обращалась столь же свободно, сколь и с красками... румянец вот идеального оттенка вышел.

Соловей смолк, видать, притомился. Зато сверчки застрекотали, действуя на нервы... время-то позднее... третий час... а он все не идет и не идет...

Обещался ведь!

И Эльвира готовилась... папенька ждет... и братья... главное, чтоб ожидание это, которое затягивается несколько, не решили они скрасить игрой да выпивкой. Папенька-то меру знает, а вот за братьев Эльвира не поручилась бы.

И послать бы горничную, чтоб проверила, да... нельзя. Девка, конечно, служит давно, но все одно нету веры прислуге, тут обидится, там денег предложат... а то и просто по глупости разболтается.

Нет уж.

Все самой надобно, а Эльвире из комнаты не уйти. Да что там комната, окошко и то не прикроешь, хотя тянет оттуда сыростью...

Эльвира зябко повела плечами, прелестно обнаженными, и набросила-таки на них белоснежную шаль, расшитую золотыми розами.

Этак и вовсе околеть можно, в тоненькой ночной рубашке, которая не рубашка — название одно...

— Эля! — раздался свистящий шепот, когда она уже почти решилась выйти из комнаты: следовало сказать папеньке, что сегодняшний план не удался. — Эля, ты тут?

— А где мне быть? — не сдержала раздражения Эльвира.

Но тут же себя одернула: не время для ссор.

Сердце сжалось от нехорошего предчувствия, и Эльвира поспешила себя успокоить: все пройдет замечательно. Себастьян пришел.

Как приходил вчера.

Позавчера.

И весь этот месяц...

Сейчас подхватит на руки, закружит, скажет, какая Эльвира ныне красивая... или еще что-нибудь этакое. Язык у него хорошо подвешен... а после к кровати понесет... и там останется потянуть за ленточку... колокольчик зазвенит, призывая папеньку с братьями...

Себастьян Вевельский тяжело перевалился через подоконник.

Что это с ним?

Прежде взлетал легко по виноградным лозам, шутил только, что каждый вечер совершает подвиг ради прекрасной дамы...

— Элочка! — Он встал на колени и протянул руки.

Пахнет от него... дурно пахнет.

Выпил, что ли?

Нет, не перегаром вовсе, запах перегара Элочке распрекрасно знаком. Тут иное... дым? И будто бы сточная канава... и... и одежда в грязи... да что это за одежда?!

— Элочка, у нас мало времени. — Себастьян вытащил мятый клетчатый платок, которым отер лицо.

Пиджачишко серый, двубортный. Лацканы лоснятся, рукава и вовсе затерты безбожно. И главное, что в плечах пиджачишко этот тесен, рукава коротковаты, а из них пузырями серыми рукава рубахи выступают.

Штаны пузырями.

На шее желтый платок кривым узлом повязан, а под мышкой Себушка котелок держит.

— Себушка... — Элочка закрыла глаза, втайне надеясь, что престранный князев наряд ей примерещился, скажем, спростонья. Но когда она глаза открыла, ничего не изменилось.

Распахнутое настезь окно.

Луна желтая.

Сладкий аромат роз... соловей и тот очнулся, зашебетал о своей, птичьей, любви. Но сейчас трели его, прежде казавшиеся уместными — даром, что ли, Эльвира самолично в саду место для клетки искала? — действовали на нервы.

Не исчез и престранный костюм, который удивительным образом подчеркивал некоторую нескладность Себастьяновой фигуры.

— Что случилось?! — осторожно поинтересовалась Эльвира, обходя потенциального мужа.

А в нынешнем наряде он какой-то... жалкий.

И спину горбит... или не горбит? Поговаривали, что в прежние-то времена с горбом натуральнейшим ходил, а после выправили... и видать, не до конца... а еще плечо левое ниже правого... странно, в постели оба плеча были одинаковы.

Или Элочка просто на плечи внимания не обращала?

Себастьян взмахнул ресницами и сказал:

— Выходи за меня замуж!

Это она, конечно, с радостью, но...

...он был хорошим любовником. Пожалуй, лучшим из тех, с которыми Элочку сводила судьба, вот только не чувствовала

она в нем желания связать жизнь с нею, да и вовсе готовности к женитьбе. А потому сие неожиданное предложение, какое должно было бы порадовать, донельзя встревожило Эльвиру.

— Выходи! — повторил Себ и, затолкав несчастный платок в рукав, вытащил колечко. — Вот! Это для тебя... сам выбирал!

— Спасибо, но...

Папенька ждет.

И братья, если, конечно, не сильно набрались... выпить-то они много могут и на ногах держатся долго, только вот способность здраво мыслить теряют. Впрочем, эта способность у них и в трезвом состоянии нечасто проявляется.

— Выйдешь? — меж тем поинтересовался Себастьян Вевельский, и такая надежда в его голосе прозвучала, что Эльвире стало неловко.

Выйдет.

Наверное. Колечко она приняла и мысленно скривилась: оскорбительная простота! Не золотое. И не платиновое... серебро?

Не похоже на серебро.

Зато с камнем зеленым, крупным. Слишком уж крупным для того, чтобы быть настоящим.

— Что это? — севшим голосом поинтересовалась Эльвира и ногтем по камню постучала.

— Синенький. Как твои глаза, — сказал Себастьян и широко улыбнулся. — Прости, Элечка, но некогда разговаривать... я тебя люблю!

— И я тебя. — Эльвира покосилась на камень.

Зеленый. Определенно зеленый. А глаза у нее и вовсе серые... и если Себастьяну они синими казались, то, стало быть, он и цвета не различает. Нет, конечно, сие недостаток малый, несущественный можно сказать, но в сочетании с иными...

— Я знал! — с пылом воскликнул Себастьян, прижимая руки к груди, отчего пиджачишко опасно натянулся, затрещал. — Знал, что ты от меня не отвернешься! Собирай вещи. Мы уезжаем.

— Куда?

— Туда. — Себастьян ткнул пальцем в открытое окно. — А потом дальше. Бери самое необходимое...

— Стой. — Эльвира положила кольцо на туалетный столик

и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. — Объясни, пожалуйста, что происходит. Зачем нам бежать. И встань наконец!

Голос подвел, сорвался.

Себастьян поднялся, как-то неловко, боком.

— Прости, Элечка... такое дело... папенька вновь проигрался крепко... скандалить начал... в кабаке... с обвинениями полез... драку устроил... он норова буйного...

Эльвира осторожно кивнула: понимает. Ее собственный батюшка тоже горазд приключения искать. А братья в него пошли, чем батюшка немало гордится, не разумея, что от фамильного этого характера одни беды... помнится, в прошлом-то годе, когда Зденек в кабаке пляски пьяные учинил, а после к купцам привязался, едва до суда дело не дошло...

— Кто ж знал, что его величество там будут, — с тяжким вздохом продолжил Себастьян. — А отец позволил себе... некоторые неосторожные высказывания...

Нехорошо... Одно дело — купцы, люди второго сословия, и совсем другое — король...

— И... что теперь? — Эльвира подняла колечко, мысленно прощаясь и с ним, и с Себастьяном.

— Меня предупредили...

Себастьян опустил голову.

— Батюшку арестуют... не за пьяную драку, конечно. В злоумышлении против государя обвинят...

...серьезно.

...и если вину докажут, а при желании доказать ее не так и сложно, то грозит Тадеушу Вевельскому плаха, а семейству его — разорение...

— Сестрам моим — или в монастырь, или оженят по государевой воле. А нам с братьями — на границу путь-дорожка... вот я и подумал... чего мне тут терять-то? Уеду я... подамся на Север.

— К-куда?

— На Север, — с чувством глубокого удовлетворения повторил Себастьян. И, оказавшись рядом, приобнял. — Вот представь только, Элечка...

Представлять ей не хотелось совершенно.

От Себастьяна пахло прокисшим пивом, дешевой кельнской водой, которой, помнится, папенькин конюх пользовался, а еще потом. И Элечке подумалось, что ныне эта пре-

отвратная смесь запахов будет сопровождать ненаследного князя по жизни...

— Снега... кругом снега! Налево посмотришь — снега! Направо — сугробы! Вперед — сколь глаз видит, даль белоснежная! Позади...

— Снега, — мрачно произнесла Эльвира.

Думалось ей вовсе не о снегах, но о том, не пропитается ли ее льняная рубаха сими мерзкими запахами.

— Точно! — восхитился Себастьян. — Неистовая белизна и чистота! Мы в прошлом году саамца одного взяли... тот еще прохвост. Представлялся шаманом, амулеты вечной жизни продавал. Хорошо шли... так он красиво про родину свою баял... мне еще тогда поехать захотелось.

— Так езжали бы...

— Так не мог. Работа... а сейчас вот... я уж и собак купил.

— Зачем?

— Для упряжки. — Себастьян погладил Эльвиру по голове. — Там без собачьей упряжки никак... поставим юрту на берегу реки... или сразу дом? Простенький, маленький, чтоб только для нас... ты и я... я буду нерп бить и на медведей охотиться...

— К-каких м-медведей?

— Белых, вестимо. Еще на волков. Волки там, говорят, зело свирепые и умные. Но ты не бойся. Я хорошо стреляю... шкуры станем выделывать.

— Я не умею.

— Научишься. — Себастьян смотрел прямо в глаза и улыбался счастливой улыбкой абсолютно безумного человека. — Небось нехитрое дело... а хочешь, оленей стадо заведем.

— 3-зачем?

— Ну... олени — это и мясо, и молоко... или ты доить тоже не умеешь?

Эльвира подумала и покачала головой.

— Еще их чесать можно. Из оленьего пуха вяжут удивительно теплые носки!

Он сошел с ума.

Или она?

И если это все-таки сон, то на редкость бредовый. Эльвира тайком ущипнула себя за руку и вынуждена была признать, что происходящее как нельзя более реально.

— Представь, — меж тем продолжал Себастьян, — наш маленький дом над бурной рекой...

...воображение Эльвиры мигом нарисовало и реку, и покосившуюся хижину на берегу ее... а еще стадо нечесаных оленей, из шерсти которых ей предстояло связать несколько дюжин носков.

— Тихую обитель вдали ото всех... жизнь на лоне природы... преисполненную опасностей и невзгод...

...белых медведей.

...волков.

...и нерп, которых Себастьян станет свежевать на заднем дворе.

— Нам они по плечу... наши дети вырастут в настоящем мире, где нет зависти и злобы...

...а также водопровода, доктора или хотя бы аптекарской лавки на мили вокруг.

— Наши души очистятся от смога цивилизации, станут чисты и прекрасны...

...разве что только души.

Тело Эльвиры, которое было ей куда дороже души, требовало серьезного ухода.

— Послушай, — перебила она Себастьяна. — Мне очень жаль, но... у нас не получится.

— Думаешь, мне не стать охотником? Ладно. Мы можем заняться золотом... слышала, там золото на каждом шагу?!

Слышала. Об этом многие газеты писали, как и о том, что на одного разбогатевшего старателя приходится две сотни безвестно сгинувших.

— Нет, Себастьян. — Эльвира высвободилась из объятий и с раздражением смахнула листик, прилипший к белой ее рубашке. — У нас ничего не выйдет. У тебя... у тебя, быть может, и получится...

Не разочаровывать же его с ходу!

Пусть уезжает.

К медведям, нерпам и золоту. Пусть строит свой дом... а Эльвира... она подыщет себе другого мужа... в конце концов, зря, что ли, привечала графа Бойдуцкого? Ему, правда, под семьдесят... зато богат.

И главное, что королю угоден.

— Я поняла... — Эльвира сделала глубокий вдох. Все-таки она была сердобольной женщиной и, отказывая очередному

искателю ее руки и капиталов, испытывала некоторую печаль. Правда, длилась она печаль недолго, но неудобства доставляла. — Я поняла, Себастьян, что мы с тобой слишком разные.

Она взяла кольцо.

— Мне жаль, но... я не могу уехать... бросить отца, братьев... мамушку больную...

...болела она давно, с немалым удовольствием, которое, впрочем, умело скрывала и от докторов, и от супруга, свято верившего, что жена его пребывает едва ли не на смертном одре.

— Да и подобная жизнь не по мне... я...

— Элочка... — Себастьян упал на колени.

— Нет. Послушай. Я уверена, что ты найдешь другую женщину... ту, которая поймет и примет тебя... и разделит все трудности...

— А ты?

— А у меня свой путь, — решительно произнесла Эльвира. — Я буду помнить о тебе... а теперь уходи!

Она сунула кольцо в его руку.

— Но как же ты... я ведь...

— Как-нибудь. Я справлюсь.

В конечном итоге это не первый любовник и не первое расставание.

— Элочка...

— Уходи, — жестче произнесла она. — Пока нас кто-нибудь не увидел...

...например, батюшка, которому должно было бы надоест ожидание... или братья... или еще кто... не хватало, чтобы слухи пошли... а то и вовсе родственники, которые в питии порой теряли меру, исполняют первоначальный план...

— Уходи, уходи. — Эльвира подтолкнула несостоявшегося супруга к окну. — Ты же не хочешь, чтобы обо мне нехорошие слухи пошли?

— А поцеловать?

Целовать Себастьяна ей не хотелось совершенно. Она коснулась ледяными губами щеки.

— Я буду помнить о тебе! — сказал он.

— Я тоже, — соврала Эльвира и, дождавшись, когда ненастный князь исчезнет в оконном проеме, выдохнула с немалым облегчением.

Вот уж верно сказано: поспешишь...

Эльвира присела перед зеркалом... нет, надобно брать графа... конечно, ходят слухи, что в свои семьдесят он весьма по мужской части активен... но и лучше, меньше проживет... а вдовой быть не стыдно...

Дверь открылась без стука:

— А кто тут?! — Пьяный батюшкин бас перекрыл соловьиное пение.

Эльвира и сама пуховку выронила.

— Никого, батюшка...

— Элечка, ты одна? — Барон Чеснецкий покачнулся, но на ногах устоял.

— Одна, батюшка...

— Сбег?

— Он нам не нужен.

— А... — Барон хотел спросить, отчего вдруг случилась столь резкая перемена, но передумал.

Во-первых, на грудь он принял изрядно, а потому в голове шумело, и шум этот мешал должным образом вникнуть в объяснения. Во-вторых, избранник дочери ему не нравился. А в-третьих, князю зверски хотелось спать.

— Не нужен, — с нажимом повторила Эльвира, проводя по волосам щеткой.

— Ну... — Барон понял, что должен изречь что-то глубоко-мысленное, этакое, но не знал, что именно. — Затогда ладно... пушай... а ежели чего... то мы его того! Во!

Во устрашение беглого жениха он стукнул кулаком по каминной полке, которая хрустнула.

— Ах, папенька. — Эльвира вымученно улыбнулась: спорить с папенькой не имело смысла. С другой стороны, управлять им было легко. — Отчего мне так не везет-то?

Папенька лишь крикнул и вновь по полке кулаком шибанул, избавляясь от эмоций, выразить которые иным способом он не был способен.

— Так это... того, — ласково произнес барон, за дочь свою, излишне разумную, переживавший вполне искренне. И пускай не по нраву ему был выбранный Элечкой жених, но смирился бы.

Принял бы как родного.

А глядишь, лет через пару... или не лет, но бочек семейной настойки, каковую готовили по древнему рецепту — по слу-

хам, именно благодаря ему Чеснецкие и вышли в бароны, а потому рецепт оный берегли крепко, — и сроднились бы...

— Ты только словечко скажи. — Он дыхнул Элочке в шею перегаром.

И та покачала головой: оно верно, стоит слово сказать, и батюшка Себастьяна за хвост к алтарю приволочет, а братья помогут, да только... что с того? Не ехать же и вправду к светлой жизни на лоне природы?

Нет, на подобные подвиги Эльвира Чеснецка готова не была.

— Нет, батюшка, не надо. — Она взмахнула ресницами. — Ты прав был всецело. Не тот он человек, который нам нужен... не тот...

А может, поискать кого похожего на батюшку? Сильного и не особо умного?

Папенька там про какого-то своего приятеля сказывал... граф-то никуда не денется, а на приятеля этого можно глянуть... если, конечно, он не мечтает отбыть на край мира оленьей пасти... или медведей стрелять.

— Ты у меня такой сильный... и что бы я без твоей защиты делала?

Барон лишь крякнул.

Дочь он любил, как и прочих своих детей. И за них не то что князю, королю бы рыло начистить не побоялся. Впрочем, мысль сия была крамольной и даже во хмелю барон осознавал это, а потому прогнал прочь. Благо его величество поводов для баронского гнева не давал...

— Ниче, Элька, будешь ты у меня княжной. — Он ободряюще похлопал дочь по плечу, как по мнению барона, чересчур уж узенькому, тощему. Сам-то он предпочитал женщин солидных, в теле и нынешней моды на тщедушных красавиц не разумел. Но раз уж дочери хотелось голодом себя морить, то пушай. А что до обещания, то даром, что ли, молодой Дагомысл Ружайский, который не столь уж и молод, но ума невеликого, в грудь себя бил, что любого перепить способный... и еще спор предлагал...

В хмельной голове мысли заворочались быстро, причиняя барону едва ли не физическое неудобство. Его аж замутило слегка, но Вотан не дал перед дочерью опозориться.

— Станешь княжной. Чтоб мне век бутылки не видеть!

Клятва была серьезна.

И следует сказать, что обещание свое он сдержал. Месяца не прошло, как Чеснеца роза переехала в ружайский розарий. К слову, победа эта далась барону нелегко, и к зятю он проникся великим уважением, которое выказывал громко, искренне, добавляя, что крепка княжья кровь.

А баронская — и того крепче.

Эльвира предпочитала помалкивать...

Ненаследный князь с легкостью перемахнул через витую ограду. Она, с коваными розами и стрелами, была красива, но и только.

Впрочем, Бяла улица Познаньска являла собой место тихое, спокойное. Преступления здесь случались редко.

Себастьян потянулся, подпрыгнул на месте и, поморщившись, сел на мостовую. Он стянул неудобные штиблеты, купленные, как и костюм, в лавке старьевщика, и с немалым наслаждением пошевелил пальцами.

— Жмут, — пожаловался он.

И, сняв носок, пощупал мизинец.

— Мозоль натер... это ж надо...

— А я, между прочим, говорил, что так и будет. — Темная фигура отделилась от могучего платана.

— Накаркали, ваше высочество.

Мизинец в лунном свете был бел и мал, и красная бляха свежего мозоля бросалась в глаза. Себастьян с кряхтением подтянул ступню к лицу и подул на пострадавший палец.

— Я не каркал. Было очевидно, что туфли тебе малы.

— Зато какой фасон! — Сдаваться Себастьян не привык, хотя ноющие пальцы свидетельствовали в пользу королевича. И ворчливо добавил: — С тебя двадцать злотней.

— Начинаю разочаровываться в женщинах. — Проигрыш его высочество не огорчил.

— Только начинаешь?

Королевич не ответил, но присел на мостовую, которая была довольно-таки чиста, и отсчитал двадцать золотых монет. Потянулся. Вдохнул свежий, напоенный ароматом роз воздух.

— Хорошо-то как...

Пел соловей. И круглая луна опустилась еще ниже, дразня маслянистым блескучим боком. Себастьян снял желтый платок и пиджачишко стянул, оставшись в мятой рубахе.

— Слушай, — королевич первым нарушил молчание, — а если бы она согласилась бежать?

— К саамам?

— К ним... вдруг бы и вправду любила?

— Ну... побегали бы. Мне тут отпуска обещались дать две недели, хватило бы, чтоб прогуляться... вагон третьего класса. Гостиницы... ты когда-нибудь останавливался в привокзальных гостиницах?

Матеуш пожал плечами — таких конфузов с ним не случилось. Нет, ему доводилось путешествовать, но сии путешествия, как правило, происходили в королевском поезде, где помимо спальных вагонов, нескольких гостиных, библиотеки и столовой имелись купальни, игровой салон и иные, несомненно, важные в путешествии вещи.

О привокзальных гостиницах он имел представление весьма туманное.

— Клопы, блохи... поезда... не знаю, что раздражает сильнее... я как-то жил три месяца... искали одного... клиента, который по оным гостиницам отирался. Жертв выглядывал... так, бывало, чуть заснешь, а за стенкой песню начнут... или поезд какой прибудет...

Себастьян вздохнул, воспоминания эти вызвали внеочередной приступ ностальгии, от которой стало тяжело в груди и спина засвербела. Он даже наклонился, прижался к могучему стволу вяза и почесался.

— А если бы... — не оставил свое королевич.

— Если бы не сбежала за две недели? — Себастьян чесался о вяз, но зуд не стихал. Напротив, с каждой секундой он креп, будто под кожу Себастьяну сыпанули крошек.

Что это с ним?

— Тогда б я признался.

Он встал и, стащив рубашку, позволил крыльям появиться. Стало легче. Немного.

— И, если бы она меня не убила, женился б не глядя.

— Ты ее не любишь.

— И что? Ты вон любишь, а толку-то...

Не следовало заговаривать на эту тему, поскольку Матеуш разом помрачнел, видать вспомнив и о невесте своей, которая, того и гляди, с посольством заявится, чтобы раз и навсегда положить конец привольной жизни королевича, и о Тиане

Белопольской... с нею его высочество не был готов расстаться. Упрямство его донельзя огорчало что матушку, проникшую к Тиане искренней нелюбовью, что отца, куда более благорасположенного, но тем не менее в первую очередь заботившегося о благе государственном. А Тиана с ее козой этому благу грозила воспрепятствовать.

Королевские проблемы Матеуша угнетали, ввергая в бездну тоски. А в перспективе и вовсе ссылкой грозились.

От печальных мыслей, как это случалось во все прежние дни, вновь отвлек Себастьян:

— Слушай, Матеуш, у тебя с собой ножа нет?

— Ножа? — Королевич явно удивился. Нож у него был. И даже два. Метательные, спрятанные в рукавах. Один с ядом, другой — с проклятием смертельным.

— Кортика. Шпаги, на худой конец. Чего-нибудь...

— А тебе зачем?

— Почесаться...

Ножи Матеуш оставил при себе, князь, конечно, из метаморфов, так и королевские ведьмаки с алхимиками вкупе не даром хлеб едят.

А Себастьяну становилось хуже.

На коже проступала чешуя, и Себастьян с удивлением осознал, что не способен контролировать это превращение. Да и зуд не стихал.

Королевич же молча протянул стилет с королевским гербом на рукояти. Трехгранный клинок был узким и в достаточной мере острым, чтобы ощущать его через плотную чешую.

— А плечи почешешь?

— А больше тебе ничего не надо? — с подозрением осведомился его высочество.

— Еще спинку... не дотянусь...

Пробившиеся клыки делали речь невнятной, и Себастьян замолчал.

Приворотное?

Он ничего не пил и не ел, да и Эльвира не похожа на тех дурочек, которые с приворотами балуются... она выглядела такой очаровательно милой. Серьезной. И Себастьяну весьма импонировала ее целеустремленность...

Но все-таки...

Спина чесалась.

И крылья.

И даже хвост, который нервно елозил по мостовой, оставляя на камне длинные царапины. Себ испытывал преогромное желание упасть на землю, покататься...

Не хватало еще.

Навоз тут, конечно, убирают, но все ж не дело это, целному ненаследному князю на земле валяться. Только подумал, как зуд исчез. А с ним и чешуя. Крылья же безвольно обвисли, и королевский кортик из руки выпал.

— И что это было? — осведомился Матеуш, кортик подбдирая.

— Понятия не имею, — честно признал Себастьян. — Но... полагаю, пока не разберусь, нам лучше не встречаться. А то мало ли...

Луна ухмылялась.

И в желтоватом свете ее лицо королевича сделалось еще более некрасивым. Матеуш скривился, точно собираясь расплакаться, но все ж сдержанно кивнул:

— Спасибо.

— Та не за что. — Себастьян неловко поднялся. Им овладела престранная слабость. Неимоверно хотелось спать, можно — прямо здесь, у корней дерева... Он тряхнул головой, силясь освободиться от наваждения. — Разберусь, и тогда... продолжим... надо же мне невесту подыскать...

— Зачем?

— А почему нет? — Чтобы не упасть, Себастьян оперся на вяз. — Лихо вон женат... счастлив... чем я хуже?

— Ну... — Королевич печально усмехнулся. — Женат — это не всегда означает счастлив. Возьми.

Он стянул с пальца перстень-печатку.

— Ежели вдруг... можешь действовать моим именем.

Перстень Матеуш положил на землю и отступил на два шага.

— Да и в самом-то деле, в отпуск бы тебе, князь...

Он сделал еще шаг и растворился в сумерках. Себастьян моргнул и потер сонные глаза кулаком... был королевич... не было королевича... ну да, естественно, что без охраны он из дворца не выйдет... после прошлогоднего-то приключения к вопросам собственной безопасности Матеуш стал относиться куда серьезней, нежели прежде.

Вот и ладно. До королевских проблем Себастьяну дела нет. С собственными разобратся бы.

Он наклонился с немалым трудом, странная слабость не отступала, и Себастьян вдруг ощутил себя невероятно старым, если не сказать — древним. Заныли суставы, и мышцы, и старые шрамы, которые, казалось, затянулись без следа.

Что за...

Он упал на четвереньки и затряс головой.

Не выходило избавиться...

Себ стиснул зубы и потянулся к перстню. И дотянулся. И поймал, сдвил в кулаке, а в следующий миг едва сдержался, чтобы не закричать. От перстня полыхнуло жаром. И жар этот, прокатившись по крови, избавил от слабости.

— Вот, значит, как, — сказал Себастьян сам себе, когда сумел вновь говорить.

И на этих словах его вывернуло. И выворачивало долго, болезненно, внутренности горели, и горло драло, а после на мостовую вывалился волосяной ком. Черный. Осклизлый.

И тотчас распался...

— Вот значит... — Себастьян отполз под тень вяза.

Волосы шевелились, точно черви...

— Князь, вам к ведьмаку надобно бы... — раздалось вдруг сверху, и массивная рука сгребла Себастьяна за шиворот, дернула, поднимая. — Королевич приказали сопроводить...

Королевич...

Что ж, к ведьмаку — это верно...

— погоди. — Себастьян отер рот ладонью. — Надо это взять... только не руками... нельзя руками...

— Понял. Стойте.

Себастьяна прислонили к многострадальному вязу, и как ни странно, но прикосновение к теплой древесине его принесло немалое облегчение.

Охранник же отломил веточку и споро ткнул в шевелящийся ком. Тонкие нити взметнулись, оплели ветку плотным коконом. А охранник, подобрав с земли ботинок, кинул ветку в него.

— Так-то сойдет... от же дрянь!

— Ты... как тебя зовут?

— Агафьем... — смутившись, произнес охранник и, кажется, покраснел. — Мама девочку хотела очень... сыновей-то у

нее семеро было... говорит, замаялась имена придумывать, чтобы все на А... вот и...

— Зато оригинально. С фантазией.

Охранник со вздохом кивнул. Кажется, от этой родительской фантазии ему в жизни досталось.

— Агафь... Агафий... ты сталкивался с таким... прежде? — Речь давалась с трудом. Себастьян пощупал горло, которое, по ощущениям судя, было разодрано. Ан нет, целехонько...

— А то... в позатом годе королевича проклясть пытались... колдовкина штучка... черноволос. Ох и поганая-то!

С данным утверждением Себастьян охотно согласился. Как есть погань.

— Оно вовнутрях пухнет и кишки дерет, пока вовсе не издерет...

Вот же... сходил на свидание.

Эльвира?

Себастьян перевел взгляд на особняк. Вернуться? С вопросами... с обвинением... нет, в таких делах спешка лишнее... надо сперва до ведьмака добраться... до штатного... а лучше к Аврелию Яковлевичу... час поздний, вернее, ранний... не обрадуется... но поможет...

Меж тем Агафий подобрал и пиджачок, и второй ботинок, поинтересовался:

— Сами пойдете, княже, аль подсобить?

Себастьян убрал руки и сделал шаг. Земля качалась, слабость была... но обыкновенного свойства.

— Подсоби, — пришлось признать, что самостоятельно он до пролетки не дойдет. И Агафий безмолвно подставил плечо. — Спасибо...

— Та не за что, княже... работа у меня такая... к Аврелию Яковлевичу везть?

Себастьян кивнул, сглатывая кислую слюну, которая подкатывала к горлу. Он стискивал королевский перстень, который, впрочем, оставался холодным, и прислушивался к урчанию в животе.

Чудилось — шевелится в нем нечто... Шевелится и растет, того и гляди, разрастется настолько, что и вправду кишки раздерет.

Помирать не хотелось.

Уж лучше бы и вправду под венец.

ГЛАВА 2, где Аврелий Яковлевич вершит волшбу, а также совершается душегубство

Люди могут жить долго и счастливо,
но как их заставить...

*Философский вопрос, конкретного ответа
не предполагающий, но меж тем занимающий
многие светлые и не очень умы*

По дороге Себастьяна вновь стошнило.

И Агафий, вздохнув, привстал на козлах:

— Держитесь, княже. Скоренько поедьма.

Он сунул два пальца в рот, а после свистнул так, что каурая лошаденка, в пролетку запряженная, завизжала со страху да не пошла галопом — полетела. И пролетка с нею полетела, с камня да на камень. Себастьяну пришлось вцепиться в борта.

Он думал об одном: как бы не вывалиться. И мысли эти спасали от тянущей боли в животе. Агафий же, стоя на козлах, знай себе посвистывал и этак с переливами, с перекатами...

Кажется, на площади Царедворцев Себастьян все же лишился чувств, ибо ничего-то после этой площади и не помнил и не мог бы сказать, каким таким чудом вовсе не вылетел из несчастной пролетки и как она сама-то опосля этакой езды уцелела.

Он очнулся у дверей знакомого особняка, удивившись, что стоит сам, пусть и обняв беломраморную и приятно холодную колонну. Над нею по широкому портику расхаживала сторожевая горгулья да подвывала тоненько. Она то распахивала короткие драные крылья, то спину по-кошачьи выгибала, то трясла лобастой уродливой башкой и, грозясь незваным гостям страшными карами, драла каменный портик. Звук получался мерзостнейший, и вызывал он такое душевное отторжение, что Себастьяна вновь стошнило, прямо на розовые кусты.

— Эк вас, княже... — сказал кто-то, но, кажется, уже не Агафий.

Тот был за спиной, грозил горгулье не то пальцем, не то бляхой королевской особой стражи, главное, что та от бляхи отворачивалась и мяукала.

В дом Себастьяна внесли на руках.

— Э нет, дорогой, не вздумай глаза закатывать, чай не ба-рышня обморочная...

Под нос сунули нечто на редкость вонючее...

— Вот так-то лучше... пальца два в рот сунь... а лучше три, — посоветовал Аврелий Яковлевич, подсовывая медный сияющий таз.

Себастьян совету последовал. Рвало его насухую...

— Черноволос. — Агафий сунул ведьмаку Себастьянов бо-тинок. — Во какой!

— Знатный. — Аврелий Яковлевич вытащил веточку с во-лосами. — Жирный какой... ишь, насосался кровей... ниче-го... ты, главное, Себастьянушка, помереть не вздумай.

Себастьян собирался было ответить, что скоропостижная кончина в его жизненные планы не входит, но согнулся в оче-редном приступе рвоты. В медный таз плюхнулся очередной кроваво-волосяной сгусток.

— Вот так... ладненько... пей. — К губам прижался край глиняной кружки, и Себастьян послушно сделал глоток.

Питье было... Кислым? Горьким? Перебродившим явно... и с острым запахом плесени.

— Пей, будет он мне тут носом крутить. — Тяжелая ладонь ведьмака легла на затылок, не позволяя отстраниться. — Да-вай... за матушку... за батюшку... за родню свою... по глоточку...

Аврелий Яковлевич или издевался, или заботу проявлял, но забота его во многом была сродни издевке. Себастьян глотал питье, которое с каждым глотком становилось все более омерзительным. И сквозь сладковатый запах ныне отчетливо пробивался крепкий дух падали.

— Вот молодец, а теперь зубы стисни и терпи... сколько сможешь, столько и терпи.

Себастьян подчинился.

Он чувствовал, как ведьмаковское зелье растекается по желудку, по кишкам, как обволакивает их густым, будто мас-ляным слоем. На мгновение ему стало почти хорошо.

А потом плохо.

Так плохо, как не было никогда в жизни...

— Вот так... правильно... — Густой бас Аврелия Яковлеви-ча причинял невыносимые мучения, и Себастьян хотел бы попросить ведьмака помолчать, но для того пришлось бы вы-пустить тазик.

Его не рвало — его выворачивало наизнанку. И эта изнанка была утыкана черными крючками...

— Терпи. — Аврелий Яковлевич поднес вторую кружку. — Эту дрянь вымывать надобно... ничего, ты у нас парень крепкий... Агафий, попридержи князя...

Агафий попридержал.

Чтоб его...

Когда Себастьян открыл глаза, светило солнце.

Ярко так светило. Пробивалось сквозь кружевную занавесочку, ложилось кружевом на широкий подоконник, на листья герани, на белоснежную подушку... Себастьян закрыл глаза.

Он лежал.

Определенно лежал. На спине. Пряменько... и руки на груди скрещены, точно у покойника. Мысль эта категорически Себастьяну не понравилась. Он попытался пошевелиться, однако понял, что не способен.

А что, если и вправду за покойника приняли?

Отравили... лечили... а лечение такое, что почище отравы в могилу сведет... вот и...

Нет, если бы в могилу, то лежал бы он не в кровати, а в гробу... да и одеялом вряд ли укрывать стали бы. В гробу да с одеялом неудобно.

Мысль показалась здоровой и даже вдохновляющей. И Себастьян вновь глаза открыл. Солнце было ярким, а из приоткрытого окна приятно тянуло сквознячком. Он осознал, что, верно, лежит давно, оттого и тело затекло, занемело. Под пуховым одеялом было жарко, и Себастьян вспотел.

От пота шкура чесалась. Или не от пота?

— Живой... — раздался над головой знакомый голос, преисполненный удовлетворения. — Эх ты, князюшка, везуч...

Припомнив вчерашний вечер, Себастьян согласился: и вправду везуч, только везение это какое-то кривое.

Меж тем Аврелий Яковлевич поднял Себастьяна, подпихнул под спину подушку, а потом и вторую, преогромную, набитую пухом столь плотно, что подушка эта обрела каменную твердость. Наволочка ее была расшита голубками и незабудками, и Себастьян эту хитрую вышивку чувствовал шкурой сквозь мокрую ткань рубахи.

— Пей от, Себастьянушка. — В руки Аврелий Яковлевич

сунул кружку, огромную, глазурованную и с теми же голубками. — Пей, а после поговорим.

У самого князя кружку удержать не вышло бы. Он и рук-то поднять не в состоянии был, но с ведьмачьей помощью управился и с ними, и с кружкой, и с густым черным варевом, которое имело отчетливый привкус меди.

Но хоть внутренности не плавало, уже радость.

На самом деле с первого же глотка по крови разлилась приятная теплота. А на последнем Себастьян и кружку сам удержать сумел.

— Живучий ты, — с непонятым восторгом сказал Аврелий Яковлевич.

— Упрекаете?

— Восхищаюсь. Другой бы давно уж лежал ровненько, смиренненько, как приличному покойнику полагается, а ты знай себе хвостом крутишь.

Хвост дернулся и выскользнул из-под одеяла, шелкнул по теплой половице.

Нет, умирать Себастьян точно не собирался. А собирался найти того, кто одарил его этаким подарочком...

— Лежи, — рявкнул Аврелий Яковлевич. — Успеешь еще с подвигами...

— Кто... меня... — Голос, однако, был сиплым, севшим. И горло болело невыносимо.

— Это ты мне расскажи, кто тебя и где...

— Когда?

Безумный разговор, но Аврелий Яковлевич понял.

— Думаю, денька два тому... вспоминай, Себастьянушка. С кем ел. Что ел... эта пакость сама собой не родится, она под человека делается, из его собственных волос... волоса... надобно снять, а после изрубить на мелкие куски. И проклясть. Про то уж я тебе подробно сказывать не стану, лишние знания — лишние печали...

Себастьян согласился, что лишние печали ему в нынешней ситуации совершенно ни к чему.

— Одно скажу, что на то не менее десяти ден надобно. — Аврелий Яковлевич отступил от кровати, решив, что ненаследный князь в обозримом будущем не сомлеет. — А держит-ся наговор еще денька так три... в том его и неудобство.

Значит... две недели... примерно две недели.

Себастьян постарался вспомнить, где был... а где он только не был! И премерзко осознавать, что любой мог бы...

Или нет?

Волосами своими он не разбрасывается и линять не линяет... и значит, человек, который волосы взял, достаточно близкий... настолько близкий, что явился бы в гости...

И кто являлся в гости в последние-то недели?

Лихо?

Быть того не может!

Нет, конечно нет... у Лихо нет мотива... а если... являться не обязательно... панна Вильгельмина — хорошая женщина, только не особо умна... и подружки ее... или не подружки?

Допросить бы, кого она в Себастьяновы комнаты запускала... Панна Вильгельмина запирается не станет.

Не Лихо... конечно, не Лихо... кто-то пробрался, взял волосы... волос, если Аврелий Яковлевич утверждает, что будто бы и одного довольно.

Взял.

Заговорил.

Подлил... подлить тоже непросто, но ничего невозможного... Себастьян в последнее время частенько в кофейню на Залесской улочке навевывается, уж больно там кофий хороший варят, с перцем да кардамоном, с иными приправами. И столик всегда один берет, у окна, чтоб люди проходящие видны были. Интересно ему за людьми наблюдать...

— Тебе повезло, Себастьянушка. — Аврелий Яковлевич придвинул кресло к окошку. Сел, закинув ногу на ногу, из кармана вытащил портсигар.

Закурил.

— Будь ты человеком, я б, конечно, постарался, но... тут уж как боги ссудили бы. Но в постели б надолго оказался... а после всю оставшуюся жизнь питался б овсяными киселями.

Аврелий Яковлевич выглядел утомленным. И на темном его лице морщины проступили глубже, будто и не морщины, но зарубки на мореной древесине. Глаза запали. И сосуды красные их прорезали.

— И королевичу спасибо скажи...

— Заговоренный?

Перстень лежал на столике у кровати.

— А то... на нем небось через одну вещицы заговоренные...

вот тебя ишибануло маленько... не тебя, а тварюку эту... только мне другое интересно. Почему тебя?

Этот вопрос Себастьяна тоже занимал.

Оно, конечно, врагов у него имелось вдосталь, что в Познаньске, что на каторгах, и многие людишки с превеликою охотой выпили б за упокой мятежной княжеской души. Вот только с волосьями возиться... нет, лихой народец к таким вывертам непривычный. Ему б попроще чего...

Как в позатом годе, когда повстречали Себастьяна четверо да с гирьками на цепочках...

...семь лет каторги за разбой.

Или три года тому... темный переулок да нож, который о чешую сломался.

Или в тот раз, когда в управление бомбу прислали... бомба, оно куда как проще, понятней...

Аврелий Яковлевич не столько курил, сколько вертел папирску в пальцах, казавшихся на редкость неуклюжими.

— И отчего именно теперь...

— То есть? — Силы медленно, но возвращались. И Себастьяну удалось сесть самому. Он стянул пропотевшую рубашку, отер ею плечи и лицо. — Какая разница когда?

— Может, — согласился Аврелий Яковлевич, — и никакой. А может... может, тебя не просто травили, а убирать хотели, чтоб, значит, под ногами не путался... дело-то такое... полнолуние было...

Ведьмак говорил медленно, подбирая слова, а этаких политесов за ним прежде вовсе не водилось. И оттого неприятно похолодело в груди. Хотя, конечно, может, и не внезапная перемена, случившаяся с Аврелием Яковлевичем, была тому причиной, но банальнейшие сквозняки.

— Убили кого? — облизав сухие губы, поинтересовался Себастьян.

Ответ он знал.

— Убили.

— Кто?

— А мне откудава знать кто? — Аврелий Яковлевич с немалым раздражением папирску смял. — Это ты у нас, мил друг, опора и надежда вся познаньской полиции.

Ведьмак поднялся:

— Ты у нас и выяснишь. Коль уж жив остался...

— Аврелий Яковлевич!

— Чего?

— На меня-то вы чего злитесь? Я-то ничего не сделал...

Аврелий Яковлевич нахмурился, и уголок рта его дернулся, этак недобро дернулся.

— Старею, видать... вот и злюся без причины... слухи пошли, Себастьянушка... а это дело такое... и королю неподвластно их остановить. Поговори с крестничком, чтоб поберегся, чтоб не натворил глупостей...

Ведьмак прошелся по комнатушке, которая, надо сказать, была невелика и на диво прелестна. Светлая. Яркая. С мебелью не новой, но весьма солидного вида. Единственно, что солидность эту портило, — статуэтки из белого фарфора.

Голубочки. Кошечки... вот как-то не увязывались у Себастьяна кошечки с характером Аврелия Яковлевича. Он же, подняв статуэтку с каминной полки, повертел, хмыкнул и на место вернул:

— Экономка моя... все уюты наводит... пушай себе...

— Аврелий Яковлевич! — Себастьян попробовал было сидеть сам, без опоры на подушку, и понял, что получается. — Рассказывайте.

Неприятное чувство в груди не исчезло. И значит, не сквозняки были ему причиной.

— Рассказывать... рассказать-то я расскажу, да только показать — оно всяк быстрее.

И на одеяло упал характерного вида бумажный конверт.

— Аккурат с утраца и вызвали-с... только-только тебя, мил-друг, откачал, умыться не успел даже, а тут нате, пожалуйста, Аврелий Яковлевич, на место преступления, долг свой обществу, значит, отдать...

Пальцы все еще слушались плохо, и Себастьян несколько раз сжал и разжал кулаки.

Конверт был жестким, из шершавой плотной бумаги, с острыми уголками, о которые в прежние времена ему случалось и пальцы резать. В левом углу виднелась лиловая печать полицейского управления. В правом — красная полоса предупреждением, что содержимое сего конверта является государственной тайной, а потому доступно не каждому.

Себастьян провел по полосе большим пальцем и поморщился, обычная процедура ныне показалась на диво болезненной. И кожа на пальце покраснела, вспухла волдырем.

— Это нормально?

Он продемонстрировал палец Аврелию Яковлевичу, который лишь плечами пожал да заметил философски:

— А что в нынешнем-то мире нормально?

Из конверта выпало пяток снимков. Видно, делали в спешке, по особому распоряжению... и получились снимки вроде бы и четкими, да в то же время какими-то ненастоящими, что ли.

Не снимки — картинки из театра теней.

Глухой проулок. И кирпичная стена, получившаяся на редкость выразительно. А вот край вывески на этой стене размыт, и сколь Себастьян ни вглядывался, букв не различил.

— Переулок Сапожников, — подсказал Аврелий Яковлевич, вытаскивая очередную сигаретку. Эту он покатал в пальцах, разбивая комки табака. Дунул. Прикусил белую бумагу, вздохнул: — Спокойное местечко... мирное...

Не столь мирное, как Бяла улица, но все же...

Себастьяну доводилось бывать в этом переулке, и он с неудовольствием отметил, что мог бы и сам узнать, без подсказки. По кирпичу, темно-красному, особого винного колера, который встречался лишь на старых улочках Познаньска. По характерному фонарному столбу с желтой табличкой, где выгравировано было имя благодетеля, кто сей столб поставил, по камням мостовой, круглым, аккуратным.

По витрине на втором снимке.

И флюгере-сапоге на третьем...

Впрочем, ныне его интересовала вовсе не мостовая и даже не флюгер, каковыми местные сапожники донельзя гордились, сказывая, что будто бы делали эти флюгера в незапамятные времена по особому разрешению...

Женщина сидела. Пожалуй, на первый взгляд могло показаться, что ей, уже немолодой, стало дурно, вот она и присела прямо в лужу...

Дождей в Познаньске уже недели две как не было. И все мало-мальски приличные лужи высохли. Толька эта, темная, черная почти, появилась не так давно.

И в ней отражалась бляха луны.

Себастьян сглотнул, сдерживая тошноту. Ему случалось повидать всякого. Вспомнился вдруг утопленник, которого месяц тому выудили, а с ним — и ведра два раков, которых санитары разобрали... съедят и не побрезгуют. Еще шутили, что

так оно в природе положено, сначала раки едят человека, а опосля наоборот...

...или та старушка, которая кошек держала, а после померла, сердце прихватило... и нашли ее только на третий день...
...или одержимая, своих детей зарубившая...

Нет, случалось повидать всякого, а потому Себастьян и сам не понял, отчего эта картина, почти мирная, почти пристойная, вызывала в нем столь неоднозначную реакцию.

И он поспешил взять другой снимок.

Лицо крупным планом. Искаженное страхом и еще, пожалуй, болью.

Разодранная шея... и не просто разодранная, гортань вырвали...

Живот-дыра. Змеи кишок, стыдливо прикрытые подолом длинной черной юбки.

— Это... не мог быть... человек? — Говорить было тяжело, но Себастьян заставил себя пересмотреть снимки.

Лихо...

Не стал бы убивать. Он ведь совестливый. Он первый бы себя на цепь посадил, пойми, что с ним неладно... а ведь не далее как вчера встречались... Позавчера уже... Самое то время, чтобы плеснуть в кофий заговоренного зелья.

Нет, гнать такие мысли поганой метлой надобно. Лихо никогда бы... ни за что бы... и эту женщину он не убивал. Но кто-то хочет, чтобы подумали именно на него... и ведь подумают.

— Кто ее нашел?

— Дворник, — ответил Аврелий Яковлевич, дыхнув едким табачным дымом. — И да, сообщил он не только полиции... к моему прибытию от репортеров не протолкнуться было...

Плохо. Мигом вспомнят прошлогоднюю историю и Вевельского волкодлака приплетут, не разбираясь, виновен он или нет. Виновного так еще и отыскать надобно, а Лихо — вот он, в городе...

Сказать, чтоб уехал? Оскорбится, дурья башка... или подумает, что и Себастьян поверил.

Успокоиться.

Лихо ни при чем. Но вот отравление это своевременное весяма... будь Себастьян человеком... или не попадись ему в руки королевское колечко, как знать, чем нынешняя ночь закончилась бы...

— Аврелий Яковлевич, — Себастьян перебирал снимки,

осторожно поглаживая и острые углы карточек, и глянцевою поверхность, — а с вами-то ничего за последние дни не происходило... странного?

Ведьмак усмехнулся, этак со значением.

— Верно мыслишь, Себастьянушка... приключилось. Цветы мне прислали. Лилии...

Он тяжело вздохнул.

— С проклятием? — поинтересовался Себастьян.

— Что? А нет... с ленточкою черной и открыткою.

— Шутите?

— Да какие тут шутки? — Аврелий Яковлевич стряхнул пепел на ладонь, а затем высыпал в раззявленный клюв фарфоровой утки. — Или думаешь, что у меня поклонница тайная завелась...

— Ну почему поклонница... может, и поклонник...

Ведьмак хмыкнул.

— Венок болотных белых лилий... короной на твоем челе...

— Это что, стихи?

— Вроде того.

— Аврелий Яковлевич!

— Она очень любила лилии... колдовкин цветок, — он говорил, разглядывая несчастную утку с превеликим вниманием, — а я любил ее... и стихи вот писать пытался. Оду во славу... дурень старый... нет, тогда-то еще молодой, но теперь...

Аврелий Яковлевич тяжело вздохнул:

— Предупреждает она...

О чем предупреждает, Себастьян уточнять не стал, чай, сам понимает, что ни о чем хорошем. А ведь почти поверил, что та прошлогодняя история в прошлом осталась.

Демон сгинул. Колдовка мертва. Черный алтарь вернулся в Подкозельск, где ему самое место...

На Лихо и то коситься перестали, говорил, вроде, что даже приглашали куда-то, не то в салон, не то на бал, не то еще куда, где людям на живого волкодлака глянуть охота...

Себастьян тряхнул головой, что было весьма неосторожно, поелику голова эта сделалась вдруг неоправданно тяжелою и он едва не рухнул с кровати. Подушка спасла. И одеяло, то самое, пуховое, в которое Себастьян обеими руками вцепился.

— Полегче, — велел Аврелий Яковлевич, заметив этакую маневру. — Тебе, мил друг, в этой постельке до вечера лежать...

— А...

— А труп от тебя никуда не денется. — Ведьмак дыхнул дымом, и Себастьян закашлялся.

— За между прочим, курение вредно для здоровья! — заметил Себастьян, разгоняя сизый дым ладонью. — А у меня его и так немного осталось...

— Так кто ж в том виноватый? — притворно удивился Аврелий Яковлевич. — Нечего всякую пакость жрать, тогда и здоровье будет.

Замолчали оба.

Следовало сказать что-то... но ничего в голову не шло. Вообще, голова эта была на редкость пустой, и непривычность подобного состояния донельзя смущала Себастьяна.

Он вновь поднял снимки...

— Кто она?

— Сваха. — Аврелий Яковлевич прикрыл глаза. — Профессиональная... заслуженная, можно сказать...

О чем это говорило? А ни о чем.

— Ты, Себастьянушка, не спеши... успеешь... крестничка моего пока не тронут, а с остальным справишься... только на будущее... перстенок королевский я силой напитал. Прежде чем в рот чего тянуть, ты его поднеси. Ежель нагреется, то...

— Понял.

— От и ладно. — Ведьмак поднялся. — Это хорошо, что ты у нас такой понятливый. И еще, вещицы какие, ежели вдруг в руки проситься станут, не бери.

— Это как?

— Обыкновенно... вот пришла, к примеру, тебе посылочка... от поклонницы... иль еще от кого... ты ее открывать не лезь. Али еще бывает, что идешь по улочке себе, а тут под ноги чужой бумажник...

— Аврелий Яковлевич, да за кого вы меня принимаете! — Себастьян оскорбился почти всерьез. Он, быть может, и не образец благородства, но чужими бумажниками до сего дня не побирался.

— Экий ты... все торопишься, торопишься... я ж не в том смысле. Лежит бумажник, прям-таки просится в руки... нет, ты у нас человек приличный, а неприличных вокруг полно. А ну как возьмут — и с концами? Вот и тянет вещицу поднять, пригреть, до тех пор, само собою, пока истинный хозяин не

сыщется... или вот и вовсе блеснет монетка, медень горький, но тебя такая охота ее поднять разберет, что...

— Не брать.

— Не брать, — важно кивнул Аврелий Яковлевич. — И вообще, Себастьянушка, купи себе перчатки и очки...

Очки Аврелий Яковлевич к вечеру самолично преподнес: круглые и со стеклами синими.

— Брунетам, говорят, синий идет, — сказал он и на стеклышки дыхнул, протер батистовым платочком, отчего рекомые стекла сделались какими-то неестественно яркими.

ГЛАВА 3,

где имеет место быть семейный ужин и высокие отношения

Женщине вдвойне приятнее ответить, если спрашивают другую женщину.

Жизненное наблюдение, сделанное панной Авелией, владелицей пансиона для благородных девиц, на склоне жизни

Тихие семейные вечера Евдокия успела возненавидеть.

Нет, ей было немного совестно, поелику нехорошо ненавидеть родственников мужа, тем паче что сам супруг к вышеупомянутым родственникам относился с нежностью и любовью.

А она...

Она старалась. Весь год старалась.

А вышло... что вышло, то вышло.

Музыкальная комната в пастельных тонах. Потолки с лепниной. Люстра сияет хрусталем. И сияние ее отражается в натертом до зеркального блеска паркете.

Темные окна. Светлые гардины обрамлением.

Низкая вычурная мебель, до отвращения неудобная... Евдокия с трудом держит и осанку, и улыбку... собственное лицо у же задеревенело от этой улыбки, маской кажется.

Тихо бренчит клавесин.

Играла Августа, а Катарина перелистывала ноты... или наоборот? Нет, ныне Августа в зеленом, а Катарина в розовом... или все-таки? У Катарини мушка на левой щеке... точно, в виде розы. Августа же на правую ставит и над губой тоже... и пудрится не в меру, по новой моде, которая требовала от девиц благородного происхождения аристократической бледности.

...Катарина же предпочитала укус принимать, по пять капель натошак.

И Евдокии советовала весьма искренне: средство хорошее, авось и поможет избавиться что от неприличного румянца, что от полноты излишней...

Клавесин замолк.

И сестры поклонились. Они хоть и рядятся в разное, а все одно Евдокия их путает...

— Чудесно! — возвестила Богуслава.

Как у нее получается быть такой... искренней?

— Вы музицируете раз от раза все лучше... в скором времени, я уверена, вы сможете и концерты давать...

Евдокия благоразумно промолчала. Чего она в музыке понимает? Вот то-то и оно... ни в музыке, ни в акварелях, которые сестры демонстрировали прошлым разом, и Богуслава пообещала выставку организовать, хотя, как по мнению Евдокии, акварели были плохонькие... ни даже в столь важном для женщин искусстве, как вышивка гладью. Вышивка крестом, впрочем, также оставалась за пределами Евдокиинога разумения.

— Вы так добры, дорогая Богуслава! — воскликнула Августа.

Или Катарина?

— Так милы!

— Очаровательны!

— Мы так счастливы принимать вас...

Евдокию, как обычно, не заметили. И в этом имелась своя прелесть. В прежние-то разы ее пытались вовлечь в беседу, во всяком случае, она по наивности своей видела в этих попытках участие.

Добрую волю.

— И я счастлива, дорогие мои... — Богуслава обняла сначала Катарину, затем Августу... — В детстве я мечтала о сестре... а теперь получила сразу троих...

Все-таки голова разболелась. И не только в мигрени дело. Этот дом будто высасывал из Евдокии силы. И всякий раз она давала себе слово, что нынешний визит будет последним.

Она поднялась и вышла.

Никто не заметил.

Своего рода перемирие. Евдокия старается его не нарушать.

В соседней комнате темно, и лакей не спешит зажечь газо-

вые рожки, надо полагать, не считает Евдокию достойной таких трат. Обидно? Уже нет. Она ведь поняла, что в этом доме ее никогда не примут. Зачем тогда она мучит себя, являясь сюда раз за разом? Чего проще отговориться той же мигренью или занятостью... хотя нет, занятость — неподобающий предлог для женщины. Впрочем, чего еще ждать от купчихи, помимо денег?

Деньги они бы приняли. И готовы были бы терпеть Евдокию, если бы она...

Не плакать.

Было бы из-за чего слезы лить... небось маменьке с ее свекровью благородных эльфийских кровей тоже нелегко приходится...

Смешно вдруг стало, только смех горький, безумный почти... а ведь дай повод, и станет объявить. Нет, хватит с нее игр в приличия.

Глаза Евдокии привыкли к сумраку.

Нынешняя гостиная была невелика и, пожалуй, не столь роскошна. Дом требовал ремонта. Об этом Лихославу напоминали постоянно и еще о его долге перед сестрами, которые были уже достаточно взрослыми, чтобы устроить их судьбу... настолько взрослыми, что через год-другой это самое устройство судьбы станет мероприятием затруднительным, если и вовсе не невозможным.

Сестрам требовался новый гардероб.

И драгоценности.

Коляска.

Выезды, приемы, для которых опять же надобно было привести дом в порядок...

Евдокия коснулась шершавой, чуть влажноватой стены. Странное дело, сейчас, наедине, дом, в отличие от хозяев его, Евдокии нравился. Было в нем нечто спокойное, сдержанное... Лихослава напоминал.

...если рассказать...

...получится, что Евдокия жалуется, он поверит, конечно... и огорчится.

Он ведь действительно любит сестер, а те... те любят Богуславу и желают быть на нее похожими...

— Я тобой займусь, — пообещала Евдокия дому. — Но позже... сначала надобно с поместьем разобраться. Ты не представляешь, до чего там все запущено... а ведь хорошая земля...

сытная... и лес опять же. Его за копейки продавали, штакетником, а меж тем — первоклассная древесина. Дуб.

Вряд ли дому было интересно слушать об этом.

А кому интересно?

Разве что Лихославу, который вполне искренне пытался вникнуть в дела поместья и вникал же, разбирался понемногу, пусть и давалась ему эта наука с немалым трудом.

Шутил, будто бы уланская голова для того не предназначена, чтоб в нее цифры укладывать.

...надобно рассказать.

...по-честному оно будет, потому как хватит Евдокии себя мучить.

В тиши и темноте и головная боль притихла.

Евдокия обошла комнату.

Деревянные панели... дуб или вишня? Мягкий шелк стен... камин, облицованный не иначе как мрамором, и, скорее всего, облицовку надо бы менять, поелику мрамор без должного ухода имеет обыкновение желтеть...

Полка над камином пуста, мебели почти нет.

И на пальцах остается пыль. Стало быть, комната из тех, в которые гостей не водили... вот и продали отсюда все, что можно было продать. Гардин и тех не осталось, окна голы, и бесстыжая луна заглядывает в них... и так она близка, так огромна, что манит — не устоять.

Евдокия и пытаться не стала, благо обнаружилась и дверь. Вывела она на террасу.

Ночной воздух был приятно прохладен. А скоро полыхнет в полную силу лето, опалит Познаньск жаром солнца, раскалит каменные противни мостовых да короба домов, иссушит яркую зелень парков да аллей. И запахи смешает...

...уехать бы...

...в том годе уехали в свадебный вояж, который продлился целый месяц, а в нынешнем дела, и бросить их никак не можно...

...магазин только-только открылся... и склады... и тот маленький свечной заводик, который удалось прикупить по случаю за цену вовсе смешную, поелику свечи ныне вовсе не в моде.

Мысли о делах дарили желанное успокоение.

Пахло жасмином и еще лилиями, что Евдокию удивило — не их время. Они-то в самое пекло расцветают, дополняя дымные душные городские ароматы сахарно-сладкими нотами.

...а сахар в цене поднялся, и вновь заговорили, что виной тому вовсе не неурожай тростника, а едино корчагинская монополия, которую давно пора было порушить, да только Корчагины под руку Радомилов живут и оттого за монополию свою спокойные.

Соловей замолчал. И Евдокия услышала нервный голос.

Катарина? Августа? А то и вовсе обычно молчаливая Бержана...

— ...ах, Богуслава, как нам жаль! — Голос нервный, и в нем слышится все то же болезненное треньканье клавишна. — Княжной следовало бы тебе стать...

Окна... Верно, окна приоткрыты... и Евдокия не желала подслушивать... Или все-таки?

По всем правилам приличий ей следует развернуться и уйти, но... к Хельму все приличия вместе с правилами. О Евдокии ведь говорят. Ей и слушать.

— Мы, признаться, думали, что дело в привороте... — Катарина, у нее есть приобретенная привычка слегка картавить, словно бы она — малое дитя, не способное правильно выговаривать буквы. — И купили отворотное зелье...

Сердце заледенело.

— Думали, выпьет, поймет, чего натворил, и отошлет ее куда-нибудь, — поддержала сестрицу Августа.

— А он выпил, и ничего!

— Совсем ничего.

И лед тает.

Если ничего, то... то это ведь хорошо, не так ли? Замечательно даже. И надо быть практичною, правда, получается не очень. Мысли крутятся-вертятся, что те мельничные колеса...

...на старой усадьбе поля засевали плотно, однако же, судя по отчетным книгам, урожаи там были слабые, такие, что едва-едва само высейнное зерно окупалось.

...а мельница развалилась, потому как зерно, то самое, неуродившееся, продавали на сторону, взамен покупая муку втридорога.

...и надо бы решить, то ли мельницу ставить, то ли...

...а если ставить, то нового образцу, и молотилок закупить, сеялок новых... но это, конечно, на следующий год уже...

— Вотан ниспослал нам испытание, — а этот скрипучий низкий голос принадлежит Бержане, — и мы должны нести его с гордо поднятой головой...

Гордости у княжны хватит на двоих, а то и на троих, и пусть говорит она о смирении, пусть молится, но и молитва ее какая-то... нарочитая, что ли? Слова произносит медленно да по сторонам поглядывает, всем ли видна глубина ее благочестия?

Это все ревность говорит злая. Обида. Заставляет кулаки стиснуть и губу прикусить до боли, едва ли не до крови...

— И молить богов о терпении...

Катарина фыркнула. А может, не она, но сестрица ее, близняшка.

— Еще скажи, что мы небесам спасибо сказать должны. — Это раздалось совсем рядом, и Евдокия отступила. Почему-то ей стыдно было от мысли о том, что ее могут обнаружить на этом вот балкончике, ведь тогда подумают, будто она, Евдокия, подслушивает...

И правы будут.

— Лихослав поступил безответственно. — Низкий грудной голос Богуславы очаровывал. Эта женщина, с которой Евдокия тоже пыталась быть вежливой, признаться, внушала ей страх.

Она была... слишком? Пожалуй, именно так... слишком красива... слишком совершенна... учтива, вежлива... безупречна в каждом слове своем, в каждом взгляде. Именно таковой и должна быть княгиня Вевельская.

А не...

В темном стекле отражение Евдокии казалось нелепым.

Платье это... шелк и муслин. Вышивка ручная. Деньги, выброшенные на ветер, потому как второй раз его не наденешь, ибо неписанные правила светских визитов то запрещают. И главное, жаль, потому как Евдокия себе в этом платье нравилась. Она становилась стройней. И моложе... и с Богуславой все одно не сравниться, почти десять лет разницы.

— Я допускаю, что он испытывает... влечение к этой женщине...

...именно.

...Евдокия для них всех не была человеком, но лишь абстрактной «женщиной», которая едва ли не обманом в семью проникла. И теперь все ждали, когда же сей обман вскрыется и Лихо, разочаровавшись, отошлет ее...

...не разведется. Разводы не приняты...

...или не были приняты? Собственная матушка Лихослава,

которая вышла замуж повторно, не подала ли дурной пример?

Впрочем, лучше уж развод, чем жизнь по обязательствам.

— Мужчины во многом примитивные существа. Они поддаются собственным низменным желаниям, порой не задумываясь о последствиях их. — В этом низком голосе звучала печаль.

И Евдокия прижала ладони к горящим щекам.

— Эта женщина миловидна, а ваш брат так долго служил на границе, что отвык от женского общества... вот и взял первую, которая показалась довольно доступной...

— Ты думаешь...

— Я почти уверена, — с ноткой пренебрежения отозвалась Богуслава, — что к алтарю она шла вовсе не невинной... ваш брат — благородный человек...

Щеки не горели — пылали.

— Он пока еще ослеплен ею, но вскоре эта ослепленность уйдет. И он поймет, сколь глубоко ошибался.

Если уже не понял.

— Если уже не понял. — Богуслава озвучила украденную мысль. — Он, конечно, станет все отрицать...

Вздых. Громкий. Совокупный.

— К тому же Евдокия принесла в семью деньги, и он будет чувствовать себя обязанным...

— Если бы от этих денег еще польза была... представляешь, я попросила у Лихо денег... всего-то двести злотней. А он не дал! Говорит, что мы и без того много тратим.

Зачем Евдокия это слушает? Неужели и вправду надеется услышать нечто для себя новое.

— Но я же должна хорошо выглядеть! — Августа едва не кричала, но вовремя спохватилась: высокородные панночки следят за своей речью, которой надлежит быть тихой и плавной. — Ты же понимаешь, Славочка, каково ныне молодой бедной женщине...

Евдокия фыркнула.

Не были они бедными, несмотря на все долги князя Вевельского, на проданные картины, на исчезнувшие в ломбардах статуэтки... на фамильные драгоценности, которые пришлось-таки выкупать, хотя Евдокия с гораздо большей охотой оставила бы их в закладе. Куда ей надевать тот сапфиро-

вый гарнитур, который якобы ей принадлежит, да только от той принадлежности слова одни.

— Тише, дорогая. — Богуслава улыбалась.

Евдокия не видела ее лица, но точно знала — улыбается ласковой правильной улыбкой, именно такой, какая и должна быть у родовитой панны.

— Все еще наладится...

— Как?! — Это хотела знать не только Августа. — Мы же пробовали...

— Вы поспешили... погодите...

— Год ведь...

— Год — это слишком мало... и в то же время много... ты права. Целый год прошел, а она еще не объявила о том, что ждет наследника...

— Она старая...

— И хорошо. Для вас, мои дорогие. Княгиня Вевельская не может быть бесплодной... если она желает оставаться княгиней.

Вот уж чего Евдокия точно не желала. Но разве ж у нее был выбор?

Был. Отказаться.

Он ведь забрал перстень, и... и не следовало принимать его. Любовь?

Любовь — это хорошо... но не получится ли так, что ее будет недостаточно?

Нет, она не сомневается в Лихо... пока не сомневается? Или, если все-таки думает о том, что однажды он попросит развода, сомневается?

Это дом... или не дом, но люди, в нем обитающие... сестры Лихослава... и отец, который до Евдокии не снисходит, и всякий раз, встречая ее, кривится, будто бы сам вид Евдокии доставляет ему невыразимые мучения.

— Поэтому и говорю я, дорогие мои, что надо немного подождать... ни один мужчина не потерпит рядом с собой бесплодную жену...

— А если вдруг?

Робкое сомнение, которое отзывается злой исковерканной радостью. Действительно, а если вдруг боги окажутся столь милостивы... если вдруг не так уж Евдокия и стара... она ведь ходила к медикусу... поздний визит, маска... пусть и го-

ворят, что медикусы хранят свои тайны, но под маской Евдокии спокойней. И он уверил, будто бы все с нею в порядке.

И в тридцать рожают. И в сорок... и если так, то... то до сорока она сама с ума сойдет.

— Хватит уже о ней. — Бержана произнесла это с немалым раздражением, точно эти разговоры о Евдокии вновь обделяли ее.

В чем? В восхищении ее рукоделием? О да, вышивала она чудесно что гладью, что крестом, что бисером... пыталась, помнится, и волосом, как святая ее покровительница, создавшая из собственных волос гобелен чудотворный с образом Иржены-утешительницы...

Правда, свои тяжелые косы Бержана не захотела остригать, удовлетворилась купленными... может, оттого у нее и не вышло? Какое чудо из заемных волос?

Евдокия стянула перчатки и прижала холодные ладони к щекам. Вотан милосердный, какие у нее мысли появились. Самой от них гадко, ведь никогда-то прежде Евдокия не радовалась чужим неудачам, а тут... будто отравили, только не тело, а душу.

Нет, хватит с нее... Хватит... Она уже совсем решилась уйти, когда...

Звук?

Стон... или крик... такой жалобный...

— Вы слышали?

— Это всего лишь птица, — с уверенностью заявила Богуслава.

Птица?

Евдокии случалось слышать и густой бас болотной выпи, и жалобное мяуканье сойки, и разноголосицу пересмешников, которые спешили похвастать друг перед другом чужими краденными голосами, но вот такой...

Плач. И снова.

— Птица. — Богуслава повторила это жестче, точно не желала допустить и тени сомнения.

Евдокия же наклонилась.

Не темно, луна благо полная, яркая. И висит над самым садом. Но в желтоватом неровном свете ее сам этот сад выглядит престранно.

Чернота газонов.

Стены кустарников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1</i> , в которой Себастьян Вевельский делает предложение руки и сердца, но получает категорический отказ	5
<i>Глава 2</i> , где Аврелий Яковлевич вершит волшебство, а также совершается душегубство	22
<i>Глава 3</i> , где имеет место быть семейный ужин и высокие отношения	33
<i>Глава 4</i> , в которой речь идет о многих достоинствах женщин, а также о благотворительности	46
<i>Глава 5</i> , где случается разное, но явно недоброго толку	65
<i>Глава 6</i> , в которой речь идет о новых неожиданных знакомствах и о вреде поздних прогулок	88
<i>Глава 7</i> , повествующая о тайных женских мечтаниях и явных разочарованиях	99
<i>Глава 8</i> , в которой речь пойдет о семейных неурядицах и обидах	109
<i>Глава 9</i> . О сложностях супружеской жизни и иных занимательных вещах	124
<i>Глава 10</i> , где речь идет о неких странностях, которые пока кажутся мелкими, не имеющими особого значения	134
<i>Глава 11</i> , где речь идет о некоем пансионе и его обитателях	146
<i>Глава 12</i> . О сложностях торговли и превратностях бытия	156
<i>Глава 13</i> . О проблемах свах и свидетельницах	176
<i>Глава 14</i> . О новых подозрительных знакомых	191
<i>Глава 15</i> , где почти ничего не происходит, однако же становится тревожно	213
<i>Глава 16</i> , в которой познаньский воевода пытается пить чай и встречает неурочного гостя	245
<i>Глава 17</i> . О волшебстве и проклятиях	258
<i>Глава 18</i> . О сложностях родственных взаимоотношений	275
<i>Глава 19</i> . Все еще о родственниках, старых и новых.	286
<i>Глава 20</i> , где речь идет о женщинах, мужчинах и варварах	303
<i>Глава 21</i> . О разуме и женском упрямстве, которое всяко разума сильнее	320
<i>Глава 22</i> , где начинается следствие и находится свидетель	344
<i>Глава 23</i> . О тайнах монастырских	352